

Михаил Линник

Монфокон

Сборник прозы

Москва
Интернациональный Союз писателей
2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Л59

Продюсер проекта Елена Наливина

Линник, Михаил
Л59 Монфокон / М. Линник. — Москва : Интернациональный
Союз писателей, 2026. — 228 с.
ISBN 978-5-6054854-4-5

Сборник рассказов и повесть «Монфокон» — это истории разных людей, повествующие о любви и потерях, о надеждах и отчаянии, о радостях и боли. Это исследование человеческой природы, где разрозненные герои объединены тонкой нитью.

«Монфокон» заставляет задуматься не только о хрупкости отношений между людьми, но и о том, как наши мимолётные слова, каждое действие влияют на жизнь других людей, порой оставляя в их душах глубокие раны.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ISBN 978-5-6054854-4-5

© Михаил Линник, 2026
© Интернациональный Союз писателей, 2026

Посвящение

Моя дорогая и любимая семья! Словами не передать, как я вам благодарен за всё, что вы делаете для меня. Знаю, что вы всегда стараетесь изо всех сил, вкладывая в меня свою любовь.

Я это вижу и чувствую, как вы переживаете за меня и радуетесь моим успехам. Спасибо вам за тепло, уют, поддержку и мудрые советы. Я понимаю, что не всегда могу показать свою благодарность и не всегда получается отдать всё, что вы даёте мне. Но я хочу, чтобы вы знали, я ценю всё, что вы для меня делаете. Обещаю стараться лучше и быть лучше, чтобы вы могли гордиться мной.

Я очень люблю вас! Спасибо вам, что вы — моя семья.

Лифт

(Рассказ)

Часть 1

Высокие стеклянные джунгли. Тридцатипятиэтажные дома. Стекло и металл. Не больше и не меньше. Строго и аскетично. Офисное здание, дышащее деловой суетой, арендовано крупной компанией Future. Каждый этаж — отдельный улей со своими сотами, маткой, трутнями и рабочими. На каждом этаже властвуют свои амбиции и отсчитывают минуты дедлайны.

В здании царит типичная для такого места атмосфера: одинаковые стулья чёрного цвета с небольшими твёрдыми пластмассовыми подлокотниками и мягкой тканевой спинкой, столы серого цвета, на которых стоят матовые компьютеры и лежат дешёвые мышки с клавиатурами. Стены пепельного оттенка и такой же безликий ковролин на полу. И всё это унылое однообразие обдувается ледяным воздухом стандартного кондиционера.

В каждом отделе — от шести до десяти человек, отвечающих за определённые задачи. Они отработывают день с девяти утра до шести вечера. Ни минутой позже. И самое странное, что они не хотят ничего менять в своей жизни. Конечно, мы не

будем стричь всех под одну гребёнку и огульно осуждать таких людей, называя их — офисным планктоном. Все люди разные.

И в каждом же отделе с высокомерным видом восседает начальник подразделения. Иногда, знаете ли, встречаются такие заурядные личности, ничего из себя не представляющие. Они не умны и не красивы, не честны и не ответственны, но почему-то всегда считают себя лучше других. Закрепившись на каком-то незначительном уровне, они думают, что стали королями. Возникает закономерный вопрос: «Was hat dich bloß so ruiniert?»¹ Отчего ты стал таким стервятником? И если обижаешь другого, потому что чувствуешь свою уязвимость, неуверенность и несовершенство, почему не прекратить эту ярмарку тщеславия? Будь умнее и выше этого! Но... нет.

Впрочем, пусть поступки и действия начальника останутся на его совести. Нас больше интересует здание, где многие из служащих просто просиживают рабочие часы, не получая от этого ни удовольствия, ни радости. Точнее, нас волнует не само здание, а лифт. Он, словно транспортная артерия, связывает мелкие иллюзорные миры, неумоимо перевоза сотрудников вверх и вниз. Внутри железный мешок ничем не отличается от остальных его собратьев, выпущенных на заводе: зеркальные стены множат пространство, невидимые глазу динамики изливают тихую мелодию, а светодиодные лампы источают холодный, безжизненный свет.

В часы пик он превращается в бочку с сардинами. Люди забиваются в него так плотно, что иногда им не хватает воздуха. Каждый старается занять как можно меньше места, избегая зрительных контактов. В такие минуты даже самые общительные коллеги становятся молчаливыми и отстранёнными.

¹ Что же тебя настолько разрушило? (нем.).

Эта конструкция — безмолвный свидетель бесчувственной призрачной жизни. Лифт подобен своим гостям. Внутри у них кровеносная система и жизненно важные органы. Души их пусты, а на лицах — маски спокойного безразличия. Знакомо, не правда ли?

Тот день заканчивался как обычно. Оболочки заполняли лифт, нажимая на кнопки, перекидываясь короткими фразами. Но на четвёртом этаже что-то пошло не так. Свет моргнул и погас. Кабина дёрнулась и сорвалась вниз, издавая душераздирающий скрип. Удар о бетонный пол. Повисла зловещая тишина.

— Verdammt², — застонал человек, держась за голову. — Как же голова раскалывается!

В ушах звенело, тошнота подкатывала к горлу. Мозг лихорадочно цеплялся за последние события.

— Что... что случилось? — прошептал мужчина, постепенно приходя в себя. — Точно... Лифт упал...

Его сердце учащённо билось.

Удар был сильным, но не смертельным. Тем не менее двери лифта заклинило. «Итак, я жив, но что дальше? Как долго мне придётся тут торчать? Позвать на помощь? Но услышат ли меня?»

— Так, хорошо бы что-то предпринять... Да, неплохо бы!.. Точно надо! — забормотал под нос человек, а затем со злобой прокричал: — Но где же мне найти этот чёртов свет? Проклятье!

— Тихо, Арти. Не стоит так сотрясать воздух. Сейчас всё будет, — внезапно прозвучало в темноте.

Послышался металлический звук открывающейся крышки Zipro, а после щелчок огнива. Тесную каморку серого матового цвета озарил маленький огонёк зажигалки.

² Проклятье (нем.).

— Спасибо, Роберт. Мне намного лучше, хотя... — Артур помедлил. — Где документы? Куда они подевались? Они важны для клиента, я не могу их потерять!

В голосе Артура слышалось беспокойство. Он начал озираться вокруг, но, нащупав под собой что-то мягкое, немного успокоился. Вытащив из-под себя кожаный портфель, адвокат крепко прижал его к себе.

— Какой ты у нас нервный, однако! — иронически заметил Роберт. — Кто бы мог подумать, что старший брат станет таким деловым!

— Хватит, Роб. Сейчас не время для твоих острот! — фыркнул Артур. Но немного помедлив, добавил: — Ты сам как? Цел?

— Со мной всё *alles gut*³. — Роб поднял большой палец. — Я живее всех живых, ты же знаешь. В воде не тону и в огне не горю.

— Какое облегчение, что я тут не один, — ответил адвокат, поправляя галстук с рубашкой, — и что бумаги не пострадали.

— Братишка, ты всегда был серьёзным, старался соблюдать правила и законы, но согласишься — это всего лишь бумажки, — цокнув языком, усмехнулся Роберт.

—М-да... Роб, ты, как всегда, в своём репертуаре. Полное безразличие. Из-за этого ты так и остался барменом, ничего не добившись. А тебе уже давно не двадцать и даже не двадцать пять. А что дальше? Так и будешь протирать стаканы до старости?

Воцарилась пауза, тягостная и липкая. Они замерли, не зная, чем залатать прореху молчания. Звонящая тишина походила на ожидание у школьной доски, когда губы шепчут бессвязные обрывки формул и правил, а в голове лишь отчаянная мольба о спасительном звонке на перемену.

³ Всё хорошо (нем.).

— Да, ты прав. Надо что-то делать. Нельзя просто так сидеть сложа руки, — наконец выговорил Роберт, вставая.

Потерев переносицу, Артур последовал примеру своего брата и подошёл к кнопкам. Нажав на звонок, он замер в ожидании ответа. Но тишина продолжала давить и звенеть в ушах. Мужчина всё нажимал и нажимал на кнопки пальцем, в надежде услышать чей-нибудь голос. От напряжения костяшки пальцев побелели, а на лбу выступил пот.

— Хорошо бы что-то придумать... нельзя просто сидеть сложа руки, — повторял адвокат как заведённый.

Панель содрогнулась от серии ударов. После десятков тычков кнопки не выдержали и начали крошиться и выпадать, пальцы закровоточили, а мозг продолжал искать выход из западни. Пол обагрился каплями крови. Послышались всхлипы и мольбы о помощи. Человек, который ещё пару минут назад излучал полнейшее спокойствие в своём кабинете, упиваясь собственным величием, бился в истерике, как маленький ребёнок. Из горла вырвались хрипы, а вздувшиеся вены пульсировали на висках. Он стал зверем в человеческой плоти.

Через некоторое время топливо в зажигалке закончилось, и кабина погрузилась в сгустившийся мрак.

— Ты там живой, Арти? — раздалось в темноте.

— Да, — тихо ответил тот.

— Я-то совсем и забыл, что у тебя клаустрофобия. Ты так и не излечился?

— Больше года я наблюдался у психиатра, но так и не сумел её преодолеть, — отозвался мужчина, шмыгнув носом.

Артур отчаянно хотел выбраться из этого проклятого места. Он начал неистово молиться, сжав кулаки. Кровь снова засохла из пальцев. Вера в то, что сейчас их вытащат, не давала ему окончательно пасть духом.

«Вот-вот и двери раскроются, зайдут пожарные и заберут нас», — крутилось у него в голове. Опустившись на пол, Артур сцепил окоченевшие пальцы на коленях и принялся раскачиваться, словно маятник отчаянной надежды. В этом мерном движении и тихом самогипнозе таилась хрупкая надежда на счастливый исход. Только Богу было известно, что творилось в душе этого несчастного. Время превратилось в мучительную вечность, где секунды были минутами, минуты — часами, а часы — годами. Человеческий разум метался, словно бабочка, попавшая в стеклянную банку. Воспоминания, обрывки фраз, лица, тревога, холод, агония. Боль... Бо-о-оль... Сладкая боль...

Мир распадался и менялся, как стеклышки в калейдоскопе. Это была не жизнь, а сюрреалистический кошмар безумца, одетого в смиренную рубашку. Артур пытался зацепиться за островок разума в океане пустоты. Страх парализовал его волю, лишив возможности действовать. И тут адвокат внезапно услышал слова своего лечащего врача:

— Когда вас охватывает сильнейшая тревога, сделайте вдох. Представьте себя в Осеннем лесу, где царит тишина и покой. Вдохните полной грудью кристально чистый, прохладный воздух. Пусть он проникает в каждую клеточку тела, неся с собой умиротворение. Почувствуйте, как спокойствие мягко окутывает вас, словно шерстяной плед. Душа и разум освобождаются от гнетущих пут тревоги, обретая ясность. Мир вокруг затихает, теряя свои острые углы и пугающую суетливость. В этот миг не существует ничего, кроме вас и завораживающего Осеннего леса. Вы здесь и сейчас. И это «сейчас» — прекрасно.

Артур попытался представить этот лес. Закрыв глаза, он из одной пустоты перешёл в другую. Мелкий озноб усилился. Теперь адвокат сидел не в черноте лифта, а в парке на влажном мягком покрове из листьев. Золотой свет пробивался сквозь